

Иванов Дмитрий Игоревич, Лакербай Дмитрий Леонидович

**КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И. БРОДСКОГО:
СИСТЕМА ЦЕЛЕВЫХ УСТАНОВОК**

В рамках созданной авторами метадисциплинарной теории субъектности текста исследуется подсистема целевых когнитивно-прагматических установок (КПУ) в поэзии И. Бродского. Нами установлено, что данные КПУ лежат в основе когнитивно-прагматической программы (КПП) синтетической языковой личности (СЯЛ) поэта. Главными установками являются идейный "отказ" от "опустошенной" современности и "переключение" на экзистенциальный и метафизический горизонты бытия. Поэт поначалу использует готовые "информационные коды" (романтические модели избранничества/изгойства), однако трансформирует их в процессе онтологизации идеи поэзии, конкретизирующей экзистенциально-метафизический план.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/12-2/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 2. С. 29-32. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

5. **Боткин В. П.** Итальянская и германская музыка // Отечественные записки. 1839. № 12. С. 1-16.
6. **Гончаров И. А.** Лучше поздно, чем никогда (Критические заметки) [Электронный ресурс]. URL: <http://goncharov.lit-info.ru/goncharov/proza/luchshe-pozdno-chem-nikogda.htm> (дата обращения: 01.10.2017).
7. **Грановский Б.** Записки о Вл. Одоевском // Советская музыка. 1952. № 9. С. 44-50.
8. **Земсков В. Б.** Образ России «на переломе» времен (Теоретический аспект: рецепция и репрезентация «другой» культуры) [Электронный ресурс] // Новые российские гуманитарные исследования. 2006. № 1. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/81/> (дата обращения: 01.10.2017).
9. **Кремлев Ю.** Русская мысль о музыке: очерки истории русской музыкальной критики и эстетики в XIX веке: в 3-х т. Л.: Музгиз, 1954. Т. 1. 1960. 287 с.
10. **Кремлев Ю.** Русская мысль о музыке: очерки истории русской музыкальной критики и эстетики в XIX веке: в 3-х т. Л.: Музгиз, 1958. Т. 2. 613 с.
11. **Маймин Е. А.** Владимир Одоевский и его роман «Русские ночи» // Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л.: Наука, 1975. С. 247-276.
12. **Мароши В. В.** Имя автора в паратексте художественного произведения // Текст как единица филологической интерпретации: IV всероссийская научно-практическая конференция с международным участием (г. Куйбышев, 25 января 2014 г.): сборник статей / отв. ред. А. А. Курулёнок. Новосибирск: Немо Пресс, 2014. С. 224-225.
13. **Одоевский В. Ф.** Музыкально-литературное наследие. М.: Государственное музыкальное издательство, 1956. 729 с.
14. **Одоевский В. Ф.** Сочинения: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1981. Т. 1. Русские ночи. Статьи. 365 с.
15. **Ступель А. М.** В. Ф. Одоевский. 1804-1869. Л.: Музыка; Ленинградское отделение, 1985. 94 с.
16. **Хазагеров Г. Г.** Персонасфера русской культуры // Новый мир. 2002. № 1. С. 133-145.

**THE RUSSIAN-GERMAN “MUSICAL” DIALOGUE
OF CULTURES IN THE CREATIVE WORK OF V. F. ODOYEVSKY**

Zhdanov Sergei Sergeevich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novorossiysk
fstud2008@yandex.ru; kluft@mail.ru

The article studies the image of the German music presented in the literary heritage of V. F. Odoyevsky, including both his journalistic works (critical notes, reviews, surveys) on music, and the novel “Sebastian Bach”. At the same time, in the work of the Russian writer and musicologist of the XIX century, the Russian and German musical “worlds” are in close interconnection, forming a space for a dialogue of cultures. The images of music and musicians of Germany, individually reconsidered by V. F. Odoyevsky, are one of the important elements of it.

Key words and phrases: V. F. Odoyevsky; music; personosphere; composer; Russian; German; S. Bach; Germany; Russia; imagology.

УДК 81.1; 008:361

В рамках созданной авторами метадисциплинарной теории субъектности текста исследуется подсистема целевых когнитивно-прагматических установок (КПУ) в поэзии И. Бродского. Нами установлено, что данные КПУ лежат в основе когнитивно-прагматической программы (КПП) синтетической языковой личности (СЯЛ) поэта. Главными установками являются идейный «отказ» от «опустошенной» современности и «переключение» на экзистенциальный и метафизический горизонты бытия. Поэт поначалу использует готовые «информационные коды» (романтические модели избранничества/изгойства), однако трансформирует их в процессе онтологизации идеи поэзии, конкретизирующей экзистенциально-метафизический план.

Ключевые слова и фразы: логоцентрическая модель синтетической языковой личности; когнитивно-прагматическая программа; когнитивно-прагматические установки; цель; амбивалентность конструктивного и деструктивного; И. А. Бродский.

Иванов Дмитрий Игоревич, к. филол. н., доцент
Гуандунский университет международных исследований, Китайская Народная Республика
Ивановский государственный университет
Ivanb10@yandex.ru

Лакербай Дмитрий Леонидович, к. филол. н.
Ивановский государственный университет
lakomotion@yandex.ru

**КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА
ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И. БРОДСКОГО: СИСТЕМА ЦЕЛЕВЫХ УСТАНОВОК**

В рамках разрабатываемой авторами метадисциплинарной концепции субъектности текста [10], в которой интегрирующим центром личностно-языковой энергетики, преобразованной взаимодействием обоих начал, является синтетическая (т.е. не исчерпывающаяся только вербальной составляющей) языковая личность (СЯЛ),

особую роль играет ее единая *когнитивно-прагматическая программа* (КПП) – целостная система когнитивно-прагматических установок. Несмотря на сложный характер таких установок в поэзии Иосифа Бродского, внутренняя цельность его идейно-художественного мира и жесткая однонаправленность жизнетворческого развития в значительной мере обусловлены логоцентрической моделью СЯЛ поэта, отличающейся системной идеоцентричностью субъекта текста, глобальностью проблематики, особым (героическим, пророческим, избранническим и пр.) типажом поэтической личности. Общие характеристики этой модели таковы: а) духовно-нравственная и когнитивно-прагматическая обусловленность выбора пути (логоцентрик всегда “движется” только по велению своей души); б) векторность, однонаправленность (движение только вперед); в) непрерывность (“остановка” может привести к актуализации ситуации когнитивной дисбалансировки всей КПП); г) единичность (логоцентрик, выбрав конкретный путь, “блокирует”, “отсекает” все альтернативные варианты достижения цели); д) глубокая убежденность в правильности выбранного пути; е) глубинное целеполагание» [8, с. 104]. Вопреки неомифологическим представлениям о «приватности» дела поэта (эти представления составляют *месседж* персонального культурного неомифа Бродского, мы же говорим о *time*), «в качестве исходной поэтом выбрана универсальная метанарративная программа Поэта-избранника / изгойа, автоматически актуализирующая неомиф Судьбы Поэта в культуре, вне зависимости от прямых намерений автора» [9, с. 24]. В данной статье мы обозначим исходную, целевую подсистему когнитивно-прагматических установок (КПУ), обеспечивающих в сознании самого поэта общее, «контурное» представление о предстоящих ему свершениях (в случае логоцентрической модели СЯЛ оно четко проявлено при любом конкретном варианте «проживания» жизни).

Глубоко осознаваемая цель (подсистема целевых КПУ) – это своеобразная универсальная потребность, синтезирующая интеллектуальные (собственно когнитивные (объективные)) и эмоционально-интеллектуальные (субъективные [6; 14]) интенции личности. Само понятие цели (лишенное одномерности обыденного сознания и примененное к сознанию творческому) многогранно: «Цель может пониматься как биоморфная версия энтелихии... как внутренняя символическая форма культуры... как иерархически выстроенные системы обратных связей организма и среды...» [7, с. 318]. Будучи иерархически организованной программой субъекта, базирующейся на системе обратных (внешних/внутренних) связей личности и мира, цель представляет собой особый когнитивно-ментальный элемент, аккумулирующий все когнитивные процессы сознания человека и отвечающий за переход от мышления к практике: «...кроме идеального образа объекта, она включает в себе стремление создать его, имеет ярко выраженную практическую направленность, содержит в идеальном виде весь порядок действия, выступает как внутренне присущий самой деятельности закон, определяющий способ и характер действий человека» [5]. Цель получает статус своеобразной «первопотребности», определяющей специфику, динамику и вектор когнитивного развития/саморазвития мыслящего/чувствующего субъекта. Процесс определения целевых ориентиров и моделирования подсистемы целевых КПУ, активизирующийся в пространстве когнитивного сознания субъекта-источника (генератора КПП), проходит через этапы: 1) сбор (накопление) информационных кодов разных типов, на основе которых формируется общая неперсонифицированная информационно-концептуальная база («подготовительный» этап); 2) обусловленный как особенностями социокультурной среды, так и ментальными и индивидуально-психологическими характеристиками субъекта-источника *этап когнитивной обработки (дешифровки), освоения, дифференциации и первичной персонификации* собранной ранее информации (часть информационно-концептуальных кодов блокируется, нейтрализуется, частично/полностью выпадает в «условно пассивную» зону хранения информации; другая часть активизируется, на ее основе моделируется комплекс абстрактных целей; одновременно с этим активизируется процесс первичной персонификации субъектом-источником коллективного опыта, приводящий к формированию «первичной» условно персонифицированной системы целевых КПУ); 3) на основе этих первичных целевых КПУ происходят а) *глубокая персонификация* информационно-концептуальных кодов; б) *когнитивная перекодировка* «первичных» целевых КПУ с высокой степенью конкретизации, в результате чего формируется *система стратегических целевых КПУ*, определяющих общий вектор моделирования КПП. Эта система представляет собой сложное образование, имеющее определенную энергетическую направленность (созидательно-конструктивную, негативно-деструктивную, синтетическую (конструктивно-деструктивную)).

Как уже указывалось [9], Бродский, при всех попытках замаскировать/дезаурировать глобальную романтико-героическую природу своего дара, – *монументален* даже в подчеркивании (особенно в подчеркивании) «негероичности», «фрагментированности» своего лирического героя, и прекрасно это осознавал. Согласно подсчетам В. Полухиной [13, с. 63], местоимением 1-го лица открывается около 30 стихотворений Бродского, однако, вопреки ее буквальному прочтению «поэтического автопортрета» (предлагаемого читателю «неромантического» облика лирического субъекта), есть еще и *вселенский масштаб* непростых, а порой и прямо «деструктивных» взаимоотношений лирического субъекта с миром. При всем «самоумалении» и ерничестве он недвусмысленно заявлен и в «начальных», и в «неначальных» лирических «я»: «...я, прячущий во рту, // развалины почище Парфенона, // шпион, разведчик, пятая колонна // гнилой цивилизации...» [3, с. 25]; «С высоты ледника я озирал полмира, // трижды тонул, дважды бывал распорот. // Бросил страну, что меня вскормила...» [Там же, с. 191]; «Жухлая незабудка // мозга кривит мой рот. // Как тридцать третья буква, // я пячусь всю жизнь вперед» [Там же, с. 183] и т.д. «Последняя буква алфавита» с амбивалентной иронией заявляет о неустрашимости своих претензий (на первенство? возвращение? обладание? продолжение? бессмертие?). Ерничанье Бродского подчеркивает неблагополучие с наиболее ответственным местоимением (все той же «тридцать третьей буквой»): «Я был как все. Т.е. жил похожею // жизнью. С цветами входил в прихожую. // Пил. Валял дурака под кожей. // Брал, что давали. <...> Что бы такое сказать под занавес?!» [Там же, с. 17].

Двусмысленность «как все», да и всего комментария к начальному тезису, реализует сразу обе стратегии прочтения: самоумаление чревато поэтической исключительностью, и наоборот.

Судьба лирического «я», таким образом, выходит далеко за рамки портретных описаний и биографических сведений, и это напрямую связано с характером целеполагания, отчетливо проявленном уже в поэтической юности Бродского, где идет «прикидочный» процесс поиска основной цели. Поэт, на наш взгляд, строит свою программу не только на собирании готовых «информационных кодов» (куда попадает очень многое, от чего Бродский будет позже с негодованием отказываться, например, Блок), но прежде всего на изначальном, сначала полуинстинктивном, а затем и осознанном, отчуждении от официальной, говоря журналистским языком, «повестки дня» – его собственная проблематика иная по отношению к «оттепели». Это не вызывающая маргинальность, но указание на иной горизонт духовного бытия, жизнь, увиденная в экзистенциальном и метафизическом ракурсах. Целеполагание начинается с жеста отказа, и духовная точка отсчета афористично сформулирована позже в «Нобелевской лекции»: «...мы начинали на пустом – точнее, пугающем своей опустошенностью – месте...» [1, с. 14]. «Отчаяние поэта, принадлежащего концу XX века» [12, с. 240], мыслится Бродским и его интерпретаторами неустрашимым, так как продиктовано катастрофизмом эпохи: метафизический поиск начинается одинокая душа, ощутившая себя в родном городе на развалинах цивилизации, «которая перестала существовать» [4, с. 27]. Ученик, собирающийся в школу «под радиосводку о новом рекорде по выплавке стали, а затем под военный хор, исполнявший гимн Вождю» [Там же], и вскоре осваивающий с помощью книг и личной мобильности «искусство отчуждения» от советской действительности, – таков путь формирования личности будущего поэта. Личностная метафизическая траектория оказывается неотделима от метафизических же следствий из пережитого страной и человечеством. Речь, однако, не только о XX веке – могучий и бескомпромиссный (как выяснится очень скоро) талант, ощущающий себя на руинах культуры и цивилизации, в ситуации глобального разрыва, а то и конца времен (и после конца времен), волей-неволей начинает примерять уже наработанные культурой типажи, самый подходящий из которых – романтическое избранничество/изгойство (амбивалентность конструктивного и деструктивного, «маятник»), или, если цитировать уже «набравшего скорость» Бродского («Зофья» (1962)): «Я маятник. Не трогайте меня. // Я маятник для завтрашнего дня. // За будущие страсти не дрожу, // я сам себя о них предупрежу. // Самих себя увидеть в нищете, // самих себя увидеть на щите, // заметить в завсегдагах больниц // божественная участь единиц. // Признание, награда и венец, // способность предугадывать конец, // достоинство, дарующее власть...» [1, с. 167]. Но и ранее, фактически с самого начала, «божественная участь единиц», избранных и обреченных одновременно в силу своей иноприродности «злу истории» и косной массе, лишенных метафизической опоры (первоначальный очерк неопределенно-целевых и – пока чужих, масочных – самоидентификационных КПУ), присутствовала в сознании поэта. Таковы «Стихи об испанце Мигуэле Сервете, еретике, сожженном кальвинистами» (1959) (любопытно, что позже в кальвинизме Бродский найдет некий хоть в чем-то созвучный ему вариант религиозности): «Да. Он никогда не созерцал // Бога / ни в себе, / ни в небе, / ни на иконе, // потому что не отрывал взгляда // от человека и дороги. // Потому что всю жизнь уходил // от погони. // Сын века – он уходил от своего // века...» [Там же, с. 24]. Тот же – условно-романтический по языку и топосам, но абсолютно *свой* по чувству и миропониманию – путь мимо «века», т.е. «мира и горя», «Мекки и Рима», та же «иллюзия и дорога» вместо «веры в себя да в Бога» еще раньше открываются в «Пилигримах».

Бродский эволюционировал так стремительно, так резко и объемно «примерялся» к глобальным и более частным «моделям» (от Лермонтова и Слуцкого до Д. Донна и У. Х. Одена), что трудно однозначно выделить этапы моделирования подсистемы целевых КПУ, однако мы можем указать границы ее «первой зрелости» – это середина 1960-х годов, когда после тотального освоения элегической (1960-1962) и балладной (1962) романтической традиции в значительной мере накоплен (и уже частично отвергнут) и «репертуар» самоидентификационных КПУ, и начинают возникать свои собственные модели, опирающиеся на базовые инварианты, но уже персонализированные (философ-киник в «Двух часах в резервуаре», свидетель постапокалиптической эпохи в “Einem alten architekten in Rom”, «современный Овидий» в «Новых стансах к Августе» и т.д.), что, конечно же, требует отдельного разговора. Здесь же укажем лишь на ведущую целевую идею «подготовительного» этапа конца 1950-х годов: «Метатекст ранней лирики Бродского представляет собой напряженное обещание поэтического подвига... особенно резко в стихотворениях, посвященных самой поэзии...» [11, с. 178]. Это «Пилигримы», «Стихи под эпитафией», «Глаголы», где варьируются бинарные оппозиции божественного, высшего и массивно-человеческого, низшего. Причастность к искусству дает человеку шанс подняться к подлинности существования, однако это свобода вместе с отверженностью («в подвалах, под несколькими этажами всеобщего оптимизма» [1, с. 28]), крестный путь: «...возводя город, возводят не город, // а собственному одиночеству памятник воздвигают. // И уходя, как уходят в чужую память, // мерно ступая от слова к слову, // всеми своими тремя временами // глаголы однажды восходят на Голгофу» [Там же]. Очень ранняя, уже в «Пилигримах» (1958) онтологизация идеи поэзии, способной удержать, если можно так выразиться, «чуждо» жизни даже на «чудовищной» земле («Удобрить ее солдатам. // Одобрить ее поэтам» [1, с. 21]), программирует «романтического избранника/изгоя» на беспределный по своей последовательности путь реализации Поэзии как альтернативы постапокалиптическому миру, лежащему во зле, – путь амбивалентный, конструктивно-деструктивный, чреватый как обретениями, так и невосполнимыми потерями.

Список источников

1. Бродский И. Сочинения: в 7-ми т. / общ. ред. Я. А. Гордин; сост. Г. Ф. Комаров. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. 1. 304 с.
2. Бродский И. Сочинения: в 7-ми т. / общ. ред. Я. А. Гордин; сост. Г. Ф. Комаров. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. 2. 440 с.

3. **Бродский И.** Сочинения: в 7-ми т. / общ. ред. Я. А. Гордин; сост. Г. Ф. Комаров. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. 3. 312 с.
4. **Бродский И.** Сочинения: в 7-ми т. / общ. ред. Я. А. Гордин; сост. Г. Ф. Комаров. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. 5. 376 с.
5. **Гавеля В. Л.** Введение диссертации [Электронный ресурс] // Гавеля В. Л. Целеполагание в структуре социальной деятельности человека: дисс. ... д. филос. н. М., 1998. URL: <http://www.disscat.com/content/tselepolaganie-v-strukture-sotsialnoi-deyatelnosti-cheloveka> (дата обращения: 18.08.2017).
6. **Гарскова Г. Г.** Введение понятия «эмоциональный интеллект» в психологическую теорию // Ананьевские чтения: науч.-практ. конф.: тезисы / под ред. А. А. Крылова и др. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. С. 25-26.
7. **Доброхотов А. Л.** Цель. Цель и средства // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. / Институт философии Российской академии наук; Национальный общественно-научный фонд; под ред. В. С. Степина. М.: Мысль, 2001. Т. 4. С. 317-318.
8. **Иванов Д. И.** Типологические особенности когнитивного сознания субъекта-логоцентрика в русской рок-культуре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (66): в 4-х ч. Ч. 4. С. 100-105.
9. **Иванов Д. И., Лакербай Д. Л.** Логоцентрическая программа языковой личности И. Бродского: предварительные замечания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 7 (73): в 3-х ч. Ч. 1. С. 24-27.
10. **Иванов Д. И., Лакербай Д. Л.** Теория субъектности текста и русская поэзия XX века. Иваново: ПресСто, 2017. 336 с.
11. **Лакербай Д. Л.** Поэзия Иосифа Бродского конца 1950-х годов: между концептом и словом // Вопросы онтологической поэтики. Потаенная литература: исследования и материалы / отв. ред. А. Ю. Морыганов. Иваново: ИвГУ, 1998. С. 166-180.
12. **Милош Ч.** Борьба с удущем // Иосиф Бродский: труды и дни / ред.-сост. П. Вайль и Л. Лосев. М.: Независимая Газета, 1998. С. 237-247.
13. **Полухина В.** Eхegi monumentum Иосифа Бродского // Литературное обозрение. 1999. № 4. С. 63-73.
14. **Симбирцева Н. В.** Современные теоретические представления об эмоциональном интеллекте // Вестник Кемеровского государственного университета. 2008. № 3. С. 54-56.

COGNITIVE-PRAGMATIC PROGRAM OF I. BRODSKY'S LINGUISTIC PERSONALITY: THE SYSTEM OF GOALS

Ivanov Dmitrii Igorevich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Guangdong University of Foreign Studies (The People's Republic of China)
Ivanovo State University
Ivan610@yandex.ru

Lakerbai Dmitrii Leonidovich, Ph. D. in Philology
Ivanovo State University
lakomotion@yandex.ru

Within the framework of the metadisciplinary theory of text subjectivity created by the authors the subsystem of target cognitive-pragmatic attitudes in I. Brodsky's poetry is studied. The paper states that these cognitive-pragmatic attitudes are at the core of the cognitive-pragmatic program of the poet's synthetic linguistic personality. The main attitudes are the ideological "rejection" of the "devastated" modernity and "switching" to the existential and metaphysical horizons of being. The poet at first uses ready-made "information codes" (romantic models of selectness/outcasting), but transforms them in the process of ontologization of the idea of poetry, concretizing the existential-metaphysical plan.

Key words and phrases: logocentric model of synthetic linguistic personality; cognitive-pragmatic program; cognitive-pragmatic attitudes; target; ambivalence of constructive and destructive; I. A. Brodsky.

УДК 8-82

В статье предложена к обсуждению проблема автора в драме на материале текстов народного писателя Якутии И. М. Гоголева (Кындыла). Творчество автора определяется как «поэтическая драматургия», «драматургия поэта», что связано с особенностями авторской позиции, своеобразием выражения авторского «я» поэта-драматурга. Процессы жанровой эволюции и трансформации, создание оригинальных авторских жанровых форм и образований, особый «мифопоэтический язык» писателя также рассматриваются как одно из средств выражения авторского сознания.

Ключевые слова и фразы: якутская драматургия; проблема автора; драматургия поэта; мифопоэтика; авторские жанровые формы; вариативность текста; И. М. Гоголев.

Кириллина Мария Афанасьевна, к. филол. н.
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск
makirillina@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ АВТОРА В ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕС И. М. ГОГОЛЕВА)

Статья имеет постановочный характер и посвящена исследованию проблемы автора в драматургических текстах народного писателя Якутии, поэта, прозаика и драматурга Ивана Михайловича Гоголева-